

УДК 811.161.1

ПОДЧИНТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КАЗАНСКОМ ЛЕТОПИСЦЕ XVI ВЕКА

А.Ю. Чернышева

Аннотация

В статье рассматриваются подчинительные конструкции, представленные в Казанском летописце XVI века, с характерными для данной эпохи развития языка особенностями функционирования союзов и союзных слов, которые на начальном этапе формирования сложноподчиненного предложения еще не являлись исчерпывающим грамматическим средством выражения подчинительной связи.

Казанский летописец («Казанская история») – это историческая повесть, составленная в 1564–1565 гг. анонимным автором, который как русский пленник прожил двадцать лет в Казани при дворе казанского хана Сафа-Гирея.

Время написания Казанского летописца обусловило интерес к нему прежде всего историков, ибо в нем излагались 300-летняя история Казанского ханства и его взаимоотношения с Русским государством вплоть до завоевания Казани Иваном IV в 1552 году.

Однако данный летописец представляет интерес и для лингвистов, поскольку в нем нашли отражение многие характерные для истории формирования сложноподчиненного предложения закономерности развития русского языка.

Отметим некоторые особенности развития подчинительной связи, представленные в Соловецком списке Казанского летописца.

1. Конструкции сложноподчиненных предложений, в которых подчинительный союз употребляется совместно с сочинительным.

Примером могут служить следующие сложноподчиненные предложения: *И егда приде оттуду великии князь Ярославъ Всеволодичъ, и видѣ столныи свои градь великии Владимиръ погаными взятъ и весь начисто огнемъ попа-ленъ, и хитрая зданія его вся разрушишася, и красоту его вся погибшу, и брата своего великого князя Георгія убита, и съ первопрестолникомъ тогдашнимъ, съ нареченнымъ митрополитомъ Антоніемъ, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, – и восплачася въ горести сердца своего и рекъ* (КЛ, с. 4); *<...> и гдѣ аще обре-таху Казанца, стара или юношу или срѣдолѣтнего, и ту вскорѣ того ору-жіемъ своимъ смерти предаваху* (КЛ, с. 161).

Для древнерусских памятников было характерно такое построение сложноподчиненных предложений, при котором препозитивная часть оформляется с помощью подчинительного союза как несамостоятельная – придаточная часть, а постпозитивная часть вводится сочинительным союзом (*и, а*), будучи само-

стоятельной. Подобное построение сложных предложений объясняется тем, что зависимость их частей друг от друга была слабой, препозитивная подчинительная часть сохраняла еще некоторую самостоятельность, вследствие чего сложное предложение нуждалось в дополнительной скрепе частей. На сохранение препозитивной частью сложноподчиненных предложений некоторой самостоятельности указывает С.П. Обнорский, подчеркивая, что предложения типа «как я спросил, и он сказал...» являются начальной формой союзных подчинительных конструкций, в которых «обе части предложения отчасти сохраняют свою самостоятельность, как при паратаксисе, поэтому и объединяются сочинительными союзами, но вместе с тем первое предложение уже подчинено, вполне самостоятельного значения не имеет, о чем свидетельствует здесь подчинительный союз» [1, с. 54].

Между тем сочинительные союзы в данных конструкциях являлись «особого рода соединительными союзами».

В.В. Виноградов указывал на то, что на начальном этапе формирования сложного предложения функции сочинительного союза были широки и диффузны [2, с. 711].

А.Н. Стеценко считает, что данные союзы в рассматриваемых конструкциях [3, с. 203] выполняли присоединительную функцию: они присоединяли предложение, которое без препозитивной зависимой части было бы незаконченным.

На более широкие функции сочинительных союзов в древнерусском языке указывает и их частое препозитивное контактирование с подчинительными союзами. В данной позиции сочинительные союзы присоединяли новое высказывание, которое продолжало какую-либо общую с предшествующим высказыванием мысль. Такое использование сочинительных союзов можно считать отражением синтаксической тенденции древнерусского языка – цепного нанизывания предложений.

Отмеченные тенденции развития подчинительной связи имели место и в старорусском языке. В этот же период формирования сложного предложения, в котором каждая его часть маркировалась подчинительным и сочинительным союзом, использовался особый тип конструкций, содержательно близкий (или равноценный) современным сложносочиненным предложениям. К таким образованиям в Казанском летописце относятся так называемые условно-сопоставительные предложения с показателем связи **иже иногда – а ныне же / ныне же**.

Первый элемент данного показателя связи (**иже**) употреблялся в древнерусском языке как самостоятельная скрепа в причинных, определительных предложениях и реже – в условных предложениях. О весьма ограниченном употреблении слова **иже** в условных сложноподчиненных предложениях пишет А.Н. Стеценко. Приведем его примеры: *А иже иметь Русин Немчича у своее жоны, ино за сором 10 гривен серебра* (Дог. Смол. с Ригою 1229 г.); *Иже ли не поидеши с нами, то мы собе будем, а ты собе* (Пов. вр. лет, 153); *А иже от бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отъяти* (Там же, 163) [3, с. 220].

Как свидетельствуют эти примеры, в условных сложноподчиненных предложениях союз **иже** коррелировал с соотносительными словами **то** и **ино**.

В условно-сопоставительных предложениях этот союз коррелирует с реальным или потенциальным союзом **а** в сочетании с формантом **ныне же**. Части таких предложений характеризуются относительной функциональной равноправностью, параллелизмом синтаксического строения, содержат лексически сопоставляемые слова: *Иже иногда бывы люты волкъ и похишникъ и кровопища, а ныне же явися кроткое и незлобивое ягня Христовы ограды, живоносныя паствы благія* (КЛ, с. 183); <...> *иже иногда животная захлахуся безсловесная скоти и птица, ныне же самы агнецъ Христоръ за вся вѣрныя закалается, и безкровная и чистая жертва Богу отъ грѣхъ нашихъ приносится; иже иногда тимпаны звеняху, и органы всклицаху, и рожцы вопяху, и сурны возглашаху, и трубы шумяху, и воя Казанская собирающи (симъ), подающи вѣсть, да готови будутъ на едино даніе поити пролити крови христьянскія, – ныне же доброголасныя трубы вопяху, рекше звоненія церковная оглашающи, не страхъ и боязнь подающи, но веселіе и умение людемъ въ сердца влагая, и возбужающи отъ сна, и созывающи добобязненныя мужи и жены на духовныи подвигъ во церкви Божіа, на молбы и моленія и на божественная славословія* (КЛ, с. 172).

2. Конструкции сложноподчиненных предложений с соотносительными словами в главной части.

На дальнейшем этапе развития сложноподчиненных предложений роль дополнительных скреп частей подчинительных конструкций стали выполнять соотносительные слова в главной части, которые также усиливали подчинение частей, ибо придаточное предложение в начале своего формирования обладало некоторой самостоятельностью.

Первоначально было возможно совместное употребление сочинительных союзов и соотносительных слов. В Казанском летописце встречаем следующее образование: *И егда приступаху ко граду воя вся Руская великимъ приступомъ, конники и пеищы, и они тогда на стены въскакаху, и бяхуся зъ града, и съ пушекъ своихъ и съ пицалеи и зъ луковъ стреляху* (КЛ, с. 132).

С развитием подчинительной связи в качестве дополнительных скреп частей подчинительных конструкций стали использоваться только соотносительные слова в главной части. В начале формирования подчинительной связи использование соотносительных слов в главной части обстоятельственных предложений (условных, причинных и временных) было регулярным, хотя распространенность предложений с коррелятивными парами в старорусских памятниках была неодинакова. Наиболее представлены были условные и временные предложения, в которых в качестве соотносительных слов в главной части выступали слова **то** и **тогда**.

Как утверждает А.Н. Стеценко, реже использовались причинные предложения, где соотносительными словами были скрепы **того ради, сего ради, того для** (ср. приводимый им пример «*И понеже сей торговле и доходомъ его царского величества зело помешательно будет..., и того ради изволитъ его царское величество въ своихъ государствахъ никоцыанъ садить...*» (Пис. и бум. Петра I, т. 1, с. 248)). Это, считает А.Н. Стеценко, привело Э.И. Коротаеву к ошибочной мысли о том, что «переходные конструкции от сочинения к подчинению» были представлены только временными и условными предложениями,

а другие обстоятельственные предложения (причины, цели) выступали в форме собственно подчинения [3, с. 212–213].

В Казанском летописце оформление обстоятельственных предложений соответствует указанной закономерности, иллюстрирующей широкую представленность условных и временных сложноподчиненных предложений с соотносительными словами в главной части.

Условные предложения оформлялись с помощью соотносительных пар: **аще – то/тогда, аще бы – то/тогда, еже – то, аще ли – то**: *И аще не Господь сохранить градъ, то всуе бдя стрегу его* (КЛ, с. 154); *Аще бы вѣдали бѣдустю, то не бы поклонилися подь мечь ихъ* (КЛ, с. 23); <...> *аще бы три дни едины постояли у града вои Руския, тогда бы взяли градъ волюю, безъ нужды* (КЛ, с. 27); <...> *а еже изыдоша съѣрыхъ пестрые звѣрие, то одолѣеть ныне Руская Казанцовъ* (КЛ, с. 126); *Аще ли се сотвориши, то имаши царствовати многа лѣта на Казани; аще ли сего не сотвориши, то вскорѣ зъ бещестіемъ и съ поруганіемъ сведенъ будеши съ царства своего* (КЛ, с. 23).

Значимость соотносительных слов для организации сложноподчиненных предложений со значением обусловленности была настолько велика, что в дальнейшем эти соотносительные слова стали использоваться и как самостоятельные (единственные) показатели связи частей подчинительных конструкций. Не случайно Л.А. Булаховский называет данные слова союзами, вводящими главные предложения, подчеркивая, что их употребление семантически близко к «нашим результативным союзным речениям и союзам на границе фразных членений (таким образом, поэтому и под.), но, видимо, со специальной особенностью – большим ощущением некоторой логической подчиненности предшествующего главного предложения, получающего таким образом отенок условности, причинности и под.» [4, с. 417].

В Казанском летописце имеется пример употребления соотносительного слова **то** как единственного показателя связи в сложноподчиненном предложении со значением обусловленности: <...> *и увещеваючи его тихими словесы: «тебѣ убо, о царю, спасти себѣ и насъ; аще бо мы всѣ избъени будемъ, а ты будеши здравъ, то намъ будетъ честь и слава и похвала во всѣхъ земляхъ, и останутся у тебя сынове наши и внучата и сродники, то и паки вмѣсто насъ будутъ безъ числа служащихъ ти; аще ли же мы всѣ спасемся и тебѣ единого самодержца изгубимъ, таковая намъ будетъ слава и похвала, но студь, и срамъ, и поношеніе во языцехъ, и уничиженіе вѣчно, и останемся аки овечная стада, въ пустыняхъ и въ горахъ блудяще, снедаемы отъ волкъ, и не имущи пастыря»* (КЛ, с. 153).

Для оформления временных сложноподчиненных предложений использовались корреляционные пары **егда – тогда, когда – тогда**. Соотносительное слово **тогда** употреблялось в начале главной части, однако его положение не было, как в современном кодифицированном русском языке, строго фиксированным: *И егда исчистиша градъ, тогда самъ благоверны царь и великii князь во фторникъ въехавъ въ столныи градъ Казань* (КЛ, с. 167); <...> *и глаголаша бо ему: князь, великii государь, яко егда зверь утопаетъ, тогда его и убити*

спешаху (КЛ, с. 16); *Когда бо ты родись отъ матери твоя, мы о тебѣ осмотрихомъ тогда и погибель свою узнахомъ* (КЛ, с. 158).

В древнерусских и старорусских памятниках в число обстоятельственных конструкций, оформляемых корреляционными парами, входили также уступительные предложения.

Уступительные сложноподчиненные предложения в качестве соотносительных слов имели противительные союзы **а, да, ино, но**, коррелирующие с уступительными союзами (**аще, хотя**).

Приведем примеры оформления уступительных предложений из Казанского летописца: <...> *аще же и постоитъ, но победеніи будутъ* (КЛ, с. 159); *Хотя бы храбри были Казанцы или древнія они исполины, но ти бы всѣ почюдилися* (КЛ, с. 118).

3. Типы сложноподчиненных предложений и средства связи их частей (союзы, союзные слова).

Общая система сложноподчиненных предложений, представленная в Казанском летописце, соответствует системе сложных предложений в литературно-книжных памятниках, в том числе летописях, XVI века.

В Казанском летописце среди обстоятельственных сложноподчиненных предложений особенно широко представлены различные типы условных конструкций, маркируемых условными союзами. Причина этого факта заключается в русской моральной ориентации со свойственной ей идеализированной картиной мира, акцентирующей внимание больше на том, какой должна быть действительность. Исследуя отражение русской ментальности в языке, В.В. Колесов солидаризируется с рассуждениями Н. Федотова: согласно мнению этих ученых, русская ментальность наиболее ярко демонстрирует приоритет условных связей – то, что в последовательности изменений важно условие (цель), а не причина, «именно поэтому все действия и окрашены в морально-этические тона (человек влияет на события своей нравственностью)» [5, с. 132].

В Казанском летописце условные союзы (**аще, еже** и др.) чаще занимают препозитивное положение в составе приведенных выше корреляционных пар, но могут использоваться и в других позициях – как самостоятельные показатели связи: <...> *аще проклянетъ вѣру Богмичю и веруетъ въ распятого сына Божія, в Господа нашего Иисуса Христа, въ Рускую нашу святую вѣру, еже Русь мы веруемъ отъ грекъ приимие, то избавится ото одержанія сего, и прииметъ честь и славу велію, и будетъ яко единого отца и матери рожденными братъ любимыи, а не яко пленникъ мои и сопостать; а аще тако не хоцетъ, то злѣ умрети иматъ въ заточеніи нужнемъ, горцеи темнице, во узахъ тяжкихъ и въ оковехъ* (КЛ, с. 182); *Они же рѣша ему: «не печалуи, господи царю, мы скоро и малеми деньми, аще волю подаси мнѣ, ото основанія низложимъ градъ, и наше есть дѣло сіе, и на томъ придохомъ, еже послужити Богу и тебѣ»; Ничто можетъ человекъ сотворити, аще не Богъ попусти ему* (КЛ, с. 132).

Наряду с условными конструкциями, в Казанском летописце активно используются и другие обстоятельственные сложноподчиненные предложения:

1) временные с союзами **егда, отъ когда, едва, доколе, дондеже, донележе**: *И отвеща ему апостоли: «но да вкупе съ тобою помолимся, угодниче*

божїи Николае, егда услышитъ насъ Богъ и помилуетъ люди своя» (КЛ, с. 141); Глаголаша бо нѣцы после плененїя Казанцы, умеючи грамоте свои, варварскимъ вопрошающимъ у нихъ въ беседе Рускимъ людемъ о сече Казанскои, и отвещеваху имъ, яко много есть было въ Казани сѣчи и боевъ великихъ, а такова сечѣ и бои не бысть никогда же, отъ когда и почая быти царство Казанское (КЛ, с. 161); <...> и тако бѣгающе бїяхуся, и на бои ставляхуся многаяжды, и воздержеваху многихъ преднихъ немнози, и сильныхъ убиваху несилны, донележе созади Русь приспѣвши и побиваху ихъ (КЛ, с. 156);

2) причинные с союзами **бо, понеже, яко**: *Царь Казанскїи весель бысть и невесель, чуюша бо сердце его, и по сномъ разсужаше себѣ, и по всему познаваше взятю быти граду (КЛ, с. 151); И воспечалился о томъ царь князь великїи, и воеводы его всѣ по немъ, понеже бѣ доходити ихъ великою нуждою (КЛ, с. 126); И не безъ ума положиша славы своя Казанцы до смерти, яко велика бо слава и красота царства сего (КЛ, с. 168);*

3) сравнительные со скрепами **аки, яко, яко – тако и, неже**: *<...> и отходя пленяше инья земля чюжїя, аки орель отлѣтая отъ гнезда своего далеча пища себѣ искати (КЛ, с. 15); <...> яко же и братъ твои умеръ въ заточенїи, тако же и ты заточень будещи (КЛ, с. 23); <...> и на смерть готовяхуся, ожидаючи лучше умерети, неже долго мучитися и жити злѣ (КЛ, с. 144).*

Помимо предложений обстоятельственной семантики, в Казанском летописце широко представлены определительные и изъяснительные конструкции с союзами и союзными словами (**еже, иже, вонже, кои, како, где, что, дабы, яко**). Приведем некоторые примеры:

Слава единому Богу нашему творящая дивная и преславная чудеса, еже видеста очи наши (КЛ, с. 171); И предасть всѣхъ земному погребенїю честно, и живяше самъ во градѣ Переславле, иже нынѣ зоветца Залѣскои (КЛ, с. 6); И отъ того дни, вонже икона приде, вся благочестивому царю отъ Господа радость и победа даровашеся (КЛ, с. 138); Черемиса же лугавая достальная вся, свѣдаше того же дне взятїе великаго града своего, изыдоша изъ остроговъ своихъ, старѣишины ихъ, сотники, кои были не взятые ещо (КЛ, с. 169); Чудо святыхъ апостоль и святого Николы, како явишася на воздусе и благословиша землю ону и градъ Казань, да вселятся въ немъ православни христьянѣ (КЛ, с. 141); <...> и милостину разосла по всеи державе свои, по градомъ и по селомъ, и по монастыремъ по всѣмъ, и по малымъ же и великимъ, и по пустынямъ, и по всѣмъ церквамъ святымъ, гдѣ есть свѣща и просвира отправляти (КЛ, с. 179); <...> и падоша ему на колѣну свою, повергше оружїя своя, держаще на персехъ руцы свои, молящеся своимъ языкомъ, дабы ихъ не убилъ (КЛ, с. 164).

Вместе с тем развитие подчинительной связи, отраженное в Казанском летописце, сопровождалось многозначностью союзов и случаями их недифференцированной семантики. Многозначными являлись средства связи **яко, аще, еже, иже, что**. Отметим некоторые синтаксические характеристики данных показателей связи.

Яко – временной, причинный, сравнительный, следственный, изъяснительный союз и союзное слово в определительных предложениях (а также показа-

тель связи с совмещением функции этих скреп): *И объехавъ всѣ полки своя и, яко отъ Бога извещеніе приѣмъ, и повелѣваетъ хитрецомъ подѣ крѣпкими стенами во рвехъ глубокихъ зажигати свирѣное зеліе огненное* (КЛ, с. 150); *Ви девъ же царь въ велицеи быти въ печали и тузе, но радостну и веселу, яко царь же сы, аще и поганъ, и силою и богатествомъ не таковъ сы, н(о) самоволѣнь бѣ и себѣ служаше, а не иному коему царю, и себя брежаше, и за себе стояше* (КЛ, с. 166); *И осиротѣ бо тогда, и обнища великая наша Руская земля, и от(ъ)яся слава и честь ея, не во вѣки, и поработися богомерзку царю и лукавнѣишу всея земли, и предана бысть, яко и Ерусалимъ въ наказаніе Навходоносору, царю Вавилонскому, яко да тѣмъ смиритца* (КЛ, с. 6); <...> *благодарю тя, Христе Боже мои, яко не предалъ мя въ руже врагъ моихъ до конца въ по смѣхъ и укоръ* (КЛ, с. 168); *Или аще помышлю кое любо зло, мало или велико, на тебя, яко мниши ты, приобидѣти любовь твою, еже сотворилъ еси ко мнѣ и напитавъ мя яко просителя нища, и да будетъ Богъ твои убивая мя, въ него же и азъ вѣрую* (КЛ, с. 16).

Аще – условный и уступительный союз: *И аще же глаголь моихъ не послушаете, то Бога моего помощію имамъ ныне градъ вашъ на щитъ взяти* (КЛ, с. 122); *И отъ сего Казанцы не мало себѣ притяжаша крѣпость, не бояхуся никого же, аще и все царства околная совокупльшася востануть и подвигнутся на нихъ, крѣпокъ бо бѣ градъ ихъ* (КЛ, с. 120).

Еже – условный союз, союзное слово в определительных предложениях: <...> *а еже изыдоша сѣрыхъ пестрые звѣрие, то одолѣетъ ныне Руская Казанцовъ* (КЛ, с. 126); *И паки же въ то время второе собра много князь великии великое воинство Руское, болѣ первого, еже посла зъ братомъ своимъ* (КЛ, с. 34).

Иже – союзное слово в определительных предложениях и союз в условно-сопоставительных предложениях: *О како изнемогоша крѣпцы нашии люди, иже нѣсть было таковыхъ ни во всехъ земляхъ!* (КЛ, с. 156); *Иже иногда слышаху и видяху во граде Казани мерзости и запусчѣнія мечѣти варварскія стояше, нынѣ же на техъ мѣстехъ видяхуся церкви Божія, христьянскія, пресвѣтло сіяюще* (КЛ, с. 183).

Что – изъяснительный и причинный союз, союзное слово (а также показатель связи с совмещением функций этих скреп): <...> *не ведеху бо, безумнии, скончанія своего, что имъ уже приспѣ во дне горкіи часъ, и приближися къ вечеру день конечныя погибели ихъ* (КЛ, с. 151); *И много царю Шигалею воздарья дастъ, что хъ Казанцомъ не приложися, и не прелстиша ево изменить, бывъ у меча и у самыя горкія смерти и поглощенъ во адове утробе* (КЛ, с. 33); <...> *всего же было хожденія при немъ хъ Казани въ лѣте и въ зимѣ седмья въ девять лѣтъ, пятья ходиша до Казанского взятія, дважды же послѣ взятія нижнія черемисы, пленомъ и сечемъ до конца показнити ихъ за измѣнство ихъ, что предавшеся и паки скоро измениша* (КЛ, с. 185); *Киждо человекъ что требоваше и можаше, и то взимаше себе на требованіе* (КЛ, с. 162).

Итак, в XVI веке подчинительная связь частей сложного предложения была еще недостаточно выражена, поэтому в Казанском летописце имели место: конструкции сложноподчиненных предложений, в которых подчинительный союз употреблялся совместно с сочинительным; конструкции с соотноситель-

ными словами в главной части, коррелирующими с подчинительными союзами; случаи многозначности союзов и недифференцированности их семантики.

Summary

A.Yu. Chernyshova. Subordinate Constructions in the Kazan Annals (Kazansky letopisets) of the 16th Century.

The article shows that the Kazan annals display the system of subordinate links typical of the Russian language of the 16th century. These include constructions using subordinate and coordinate conjunctions together; constructions with correlative words in the main clause, that are connected with subordinate conjunctions; the cases of polysemantic conjunctions, and the undifferentiating of their semantics.

Источник

КЛ – История о Казанском царстве (Казанский летописец) // Полное собрание русских летописей. Т. XIX. – М.: Языки русской культуры, 2000. – IV–XL, С. 1–496.

Литература

1. *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. – М.-Л.: АН СССР, 1946. – 199 с.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.-Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
3. *Стеценко А.Н.* Исторический синтаксис русского языка. – М.: Высш. шк., 1977. – 352 с.
4. *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. – М.: Учпедгиз, 1954. – 468 с.
5. *Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова...». – СПб.: Златоуст, 199. – 368 с.

Поступила в редакцию
20.10.06

Чернышева Алевтина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.